

Ольга Макарова

16+

Потерянная мелодия

Ольга Дмитриевна Макарова

Потерянная мелодия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30479265

SelfPub; 2018

Аннотация

Вокруг так много развлечений и способов убить время – фильмы, игры, клипы, видео, распаковка посылок. Но часто все они оставляют в наших душах ощущение коробки "из которой все вынули, а крышку оставили открытой". Эти рассказы о людях, о мире вокруг нас и внутри нас. О том, как скоротечна жизнь и как беспечно мы относимся к этому дару. Как быстро забываем минувшее и как важно помнить его, чтобы остановить внутреннее разрушение. О том, что хочется и очень нужно оставаться собой, несмотря на прожитые годы и давление внешнего мира...

Содержание

Мурка	5
Лето	14
Мед	24
Хочу, чтобы был дождь	33
Потерянная мелодия	50

*Моим любимым бабушкам Масловой Галине Алексеевне и
Перминовой Вере Васильевне посвящаю.*

Мурка

Уже поздно, почти полночь, а мамы все нет. Она ушла в гости, но обещала вернуться до десяти. Как же хочется спать, но спать нельзя – нужно обязательно дождаться маму, иначе с ней что-нибудь случится. Вот уснешь без мамы и проснешься без нее – мама исчезнет. Тишина, только секундная стрелка настенных часов с треском отсчитывает время. Еще минута, еще две. Перед девочкой розовая пластмассовая коробка с прозрачной крышкой, дно разделено маленькими стенками, пуговицы, бусины, старые нитки и иголки навалены как попало, и спутались в один клубок. Катя загадала, нужно все разобрать и аккуратно разложить по отсекам коробки. Как только она закончит, мама вернется, и она начинает – стараясь совместить стук стеклянных бусин о пластмассовое дно с ходом часов. Зеленая лампа вытянула свою длинную кривую шею и дышит ей в затылок, обжигая его, но девочке все равно – она колдует, чтобы вернуть маму домой. Как только она кладет последнюю пуговицу в нужный отсек, в замке поворачивается ключ. Это она...

Мама вернулась, и девочка тут же забыла, какой несчастной и обиженной была совсем недавно. Разве можно помнить плохое, если от мамы пахнет и духами, и морозом, и она принесла кусок праздничного торта с необычным синим кремом? За окном в черно-синей ночи угрюмо завывает метель,

но Кате совсем не страшно. Она видит, какими сверкающе – красивыми становятся вихри снежинок в свете рыжего фонаря. Скоро Новый год, елка, угощения, подарки, праздник. Под эти мысли девочка сладко засыпает.

Утром все не так. В комнате неуютно, мир за окном холоден и сер. И так не хочется покинуть нагретую постель. В ногах примостилась большая и очень теплая кошка. Она громко и довольно мурлычет, наверное, видит очень приятные цветные сны.

– Катя, вставай! Опоздаешь! – по резкому голосу девочка поняла, у мамы после вчерашнего сильно болит голова.

– Я хотела бы быть Муркой, – не отводя глаз от кошки, прошептала она, – и мне не нужно было бы рано вставать, ходить в школу, убираться в квартире, делать уроки. Мурка махнула серым полосатым хвостом, открыла один желтый глаз, хитро облизнулась, глядя на девочку и, потянувшись всем своим гладким блестящим телом, спрыгнула с кровати и выбежала из комнаты.

Каждую ночь кошка уходила. Катя видела, как вечером Мурка сидит на окне, задумчиво всматриваясь в снежные сумерки, ждет нужного времени. Оно наступало, и Мурка мягко спрыгивала на жестяной подоконник за окном и растворялась в темноте. Девочка боялась, что кошка поскользнется и упадет вниз, но утром Мурка снова спала на Катиной кровати, свернувшись в ногах теплым урчащим клубочком. Пытаясь понять тайну кошки, она спросила у мамы: –

Ты знаешь, куда ходит Мурка?

– У нее кот, или котята, – мама что-то вязала, спицы быстро сходились и расходились в ее руках. Катя не поверила – слишком это было просто.

«Если бы я была кошкой, – мечтала девочка, – то тоже бесстрашно гуляла бы по ночам. Я бы видела в темноте, и у меня было бы десять жизней. Мы с Муркой стали бы лучшими подругами. И с ее подругами я бы тоже подружилась. Они не такие, как эти злые девчонки во дворе. Они не прогонят меня».

Катя знала, в Новогоднюю ночь желания сбываются, но полагаться только лишь на это, она не захотела – те, кто исполняет желания, часто находят разные причины, чтобы все сделать не так.

«Слишком многие захотели одного и того же, на всех не хватило, – или, – Наверное, это слишком сложно»: – так отвечала мама, когда Катя спрашивала ее, почему никогда в точности не исполняется то, о чем она просит.

Только один раз ей подарили именно то, что она хотела – куклу, которую они с мамой однажды видели на витрине магазина «Подарки». Кукла оказалась совсем не такой, как мечталось – от нее пахло резиной, глаза были просто нарисованы, и очень небрежно: одна черная линия века доходила до самого уха. Наряд не был таким пышным и красивым, каким казался издали – золотая краска с бусин осыпалась под пальцами, обнажая белую пластмассу; кружева платья были

пришиты неровно, а с изнанки повсюду торчали спутанные нитки. Катя рыдала, и никто не мог понять, в чем дело, мама очень разозлилась, наказала ее и поставила в угол. «Больше никогда не буду загадывать такое»: – решила Катя.

И с тех пор она просила только то, что никак не могло ее разочаровать – волшебную палочку, шапку невидимку, много денег. А получала с тех пор только сладкие подарки – утешительные призы.

«Я же сама могу колдовать! – подумала девочка, – Я же вернула маму домой, загадав, что нужно и сделав это». Вот только на этот раз никак не получалось придумать то самое, нужное. Катя пробовала встать на четвереньки, сжаться, опустить голову, закрыть глаза и представить, как она превращается в кошку. И она уже чувствовала перемены, но только внутри, снаружи она все равно оставалась нескладной и неуклюжей девочкой. Она смотрела кошке в глаза. На свету они становились маленькими золотистыми шариками, узкие черточки зрачков совсем исчезали. В темноте черные точки выплывали и растекались по глазам.

– Мне нужно научиться так же, – поняла Катя, – «Глаза – зеркало души». Где-то, когда-то она услышала эти слова, но только сейчас поняла, что они означают. Она видела сны, в которых должна была вот-вот придумать что-нибудь нужное, и сладко замирала в предчувствии чудесного превращения, но даже во сне Оно оставалось недостижимым. Ничего не получалось, и Катя поняла: «Она больше не может колдовать,

разучилась почему-то...».

Они переехали в другую квартиру, комнаты там были больше, но потолки ниже, и еще это был восьмой этаж, и железной подоконник за окном был очень узким. Катя стала закрывать форточку на ночь. Мурка больше не спала на ее кровати. Через несколько дней кошка сбежала. Сначала девочка огорчилась: «Теперь я никогда не узнаю, куда она уходила по ночам». Затем пришла обида: «Почему она сбежала? Разве ей было плохо? Разве лучше жить на улице, греться в подвале, ловить мышей или есть объедки на помойке?».

Ночью, ворочаясь с боку на бок, Катя представляла, как ее серая полосатая кошка трясется от холода около мусорных баков в их старом дворе, потом, через окно попадает в их старую квартиру. Там уже чужие люди, и оттуда ее гонят, она идет в подъезд и спит на облупленном подоконнике над грязной батареей. Лоснящаяся шерстка стала облезлой, тугие пышные бока ввалились. Девочке стало жалко глупую Мурку, она заплакала, забилась под одеяло и закусилась его толстый ватный край, чтобы своими рыданиями не разбудить маму.

Она дала себе обещание завтра же отправиться на поиски кошки, но на следующий день у нее было очень много дел. Вернувшись из школы, она до маминого прихода должна была застелить постели, убраться на кухне, вынести мусор, начистить полную кастрюлю картошки и подмести пол. Катя знала, других детей дома ждет вкусный обед, потом они

могут пойти погулять, посмотреть кино, поиграть. Но она не обижалась: «Маме надо помогать – она так устает на работе».

Девочка верила, рано или поздно случится что-нибудь и ее жизнь изменится. «А как же иначе? Ведь она не такая как все, она это чувствовала и знала. Нужно только ждать, а до тех пор можно и потерпеть. Наверняка где-то на другом конце света добрая волшебница тоже ждет урочного часа. Она наблюдает, хорошо ли Катя себя ведет, помогает ли маме, хорошо ли учится? Когда она убедится, что девочка достойно справляется со всеми трудностями и не плачет, когда ее обзывают другие дети; тогда она прилетит сюда, сделает Катю самой красивой, подарит много прекрасных платьев, и оставит ей свою волшебную палочку.

Сначала Катя поменяет имя. Ее будут звать Паулина. Она наденет лучшее из всех подаренных платьев – из красного атласа, расшитое жемчугом, бриллиантами и золотом – и отправится в школу, где будет на зависть всем творить чудеса волшебной палочкой. Вот тогда-то они все пожалеют, что раньше не хотели с ней дружить. Потом она наколдует для мамы много денег, чтобы ей больше не надо было работать, и, улетит на другой конец света, туда, где всегда тепло и где на самом берегу океана стоит прекрасный замок принцессы Паулины. Там ее встретит говорящая пантера, такая же, как Багира из Маугли, только еще красивее. На самом деле это Мурка, которую злой чародей превратил в обычную кошку, а добрая волшебница расколдовала. Ночью они пойдут гулять

по песчаному берегу, вода будет теплой и блестящей, а песок будет светиться в темноте».

Девочка прилегла на кровать и с головой укрылась плотным шерстяным пледом. В темноте она зажмурила глаза, и маленькие светящиеся точки забегали под веками.

– Катя! Катя! Ты спишь что ли? Днем? Картошки не начистила! Иди в магазин за пельменями! Ужинать нечем, – мама была раздраженной.

– Да, сейчас, уже встаю, еще только пять минуточек, – Катя ничего не поняла спросонок, она думала, что мама будит ее в школу, – Можно я сегодня не пойду? У меня болит живот, – девочка сделала жалобный голос.

– Я что ли пойду? Я, по-твоему, на работу не хожу, деньги не зарабатываю? Вставай! Тебе полезно больше ходить, – мама ушла в свою комнату, включила телевизор, легла на кровать и закрыла глаза руками...

Только под вечер, сидя над уроками, Катя вспомнила свое обещание найти Мурку и, засыпая, повторила его, но на следующий день у нее опять не было времени. Важная гладкошерстная кошка таяла в памяти, забирая с собой печаль и обиду, оставляя место мечтам о прекрасной принцессе и говорящей пантере. Скоро у них появился кот, и для кошки уже не было места.

Он сразу же почувствовал себя хозяином в доме, и девочка ему сразу же не понравилась. Кота назвали Мурзиком, но Катя про себя называла его Подлецом. Его невозможно было

взять на руки, он шипел, фыркал, кусался и царапался. Днем она еще чувствовала свою власть над ним, но ночью – стоило ей заснуть, черная когтистая лапа появлялась из-под кровати и чертила на ее голых руках глубокие красные линии. Девочка показывала царапины маме, но та только пожимала плечами: «До свадьбы заживет...».

Катя торопила время: «Скорей бы настал тот час, когда все заживет, все пройдет, когда она сможет отыскать свою ласковую Мурку. Когда она вырастет и уедет куда-нибудь очень далеко. Туда где все будут добры к ней, и она будет добра ко всем. Еще один день. И еще один день». Девочка училась ждать...

Кошка посмотрела мне в глаза, она искала ответ на вопрос: Почему все так? Ведь она не сделала никому ничего плохого, она просто родилась и просто хочет жить. Почему же тогда она такая грязная, такая голодная, почему никто не приласкает и не погладит ее, ведь именно для этого она живет? Почему ее все шпыняют, и почему никто не возьмет ее к себе?

Я пошла дальше, мне все это не по силам. У меня нет с собой еды, у меня нет своего собственного дома, поэтому мне нельзя заводить кошек. Я могу только пожалеть, только посмотреть в ее глаза долго и грустно. В моем взгляде есть обещание, что однажды все изменится, и наступит новая жизнь, где за все горести воздастся сторицей. Я обещаю, потому что я уверена, что все именно так и будет, а иначе и быть не мо-

жет! Иначе, зачем все это? Кошка отвернулась и продолжила свой путь. С каждым шагом она была все ближе к ответу.

Лето

Мы сидели на мостках, опустив ноги в озеро. Ленивая жара тихо подкрадывалась к нам сзади. Я медленно и глубоко зевнула:

– Может, пойдём спать?

С тех пор, как в деревню приехал двоюродный брат, мне стало ужасно скучно, хотя мы теперь везде ходили вместе, и даже дома он ни на минуту не оставлял меня в покое. Сначала я радовалась, но потом поняла, что компания брата не идет ни в какое сравнение с той дружбой, что сразу связала меня и Лето.

В зарослях малины, среди крупных пурпурных ягод, на обратной -серебряной стороне листвы жили волшебные капли, которые открывали мне дорогу в мир, где я была Королевой Зеленой страны, и где за мою любовь боролись самые красивые и благородные принцы. Красные капли дикой вишни прятались высоко в темной зелени. Они были такими прозрачными и блестящими, как драгоценные бусы Королевы. Ветер налетал порой, и они звенели, как кусочки хрусталя, сталкиваясь друг с другом.

За высоким бугром в темном лесу жила баба Яга, и даже днем, на поляне у самого края леса видны были желтые огни ее избушки, сверкавшие в кромешной тьме далекой чащи. И этого было достаточно, чтобы опрометью броситься домой,

залезть на печку под одеяло и дрожать от испуга и от возбуждения пережитого приключения.

Во дворе меня встречал черный лохматый пес Степка. Он звонко лаял, и весело бегал вокруг меня, заплетая мои ноги своим длинным хвостом. Степка иногда убегал под вечер по дороге мимо дома, до конца деревни, мимо магазина, туда, где начинался лес и большая дорога. «Куда это он?», – спрашивала я, когда пес скрывался из виду. «За околицу, – смеясь, отвечала бабушка, – Как волка не корми, все в лес смотрит!».

К ночи пес всегда возвращался, и добродушным радостным лаем вызывал бабушку из дома. Она выходила, наполняла его миску супом с косточками и садилась на крыльцо. После еды, Степка тоже забирался на крыльцо, клал свою большую голову бабушке на колени, преданно смотрел ей в глаза и вилял хвостом. «Ишь, леший лохматый, – по-доброму ворчала бабушка, – Ластится, ластится, а как волки завоюют, душа все одно воли запросит. Дурак, ты дурак, – приговаривала она, ласково теребя его затылок, – Не признают тебя, не возьмут в стаю, погибнешь».

Пес жалобно скулил, словно, просил прощения у бабушки, но я знала: Степка не погибнет, однажды он станет вожаком стаи, потому что он самый умный и самый добрый пес на свете, и ни один волк не сравнится с ним храбростью. Однажды я побегу вслед за ним, «за околицу», мы найдем место, куда опускается солнце. Там, под землей спрятан зо-

лотой сундук, полный разноцветных сверкающих драгоценностей. Волки помогут нам привести его домой, и тогда мы продадим сундук и на месте старого бабушкиного деревянного дома с одной комнатой, построим высокий хрустальный дворец, а драгоценности я возьму себе, и буду носить каждый день разные бусы, кольца и серьги. И изумрудная корона в том сундуке давно дожидается своей Королевы.

Спать на печке можно было только днем – ночью там хозяйничал Домовой. Мохнатые ладошки с розовыми пальцами и круглые белые глаза то и дело мелькали в дырах печной занавески. Он ждал, пока все уснут, все спокойно – значит, и ему пора устраиваться на ночлег. На печке начиналось шепуршание, слышен был мягкий топот маленьких мохнатых ножек. Наконец он укладывался, но потом еще долго ворочался во сне и громко протяжно вздыхал.

В яблоневый сад прилетали говорящие птицы, они понимали меня, а я их. Они считали, что я очень похожа на прекрасную Королеву Зеленой страны, и спрашивали меня: «Может быть, Вы ее младшая сестра или потерянная дочь? Можно нам рассказать Ее Величеству о Вас? Она очень обрадуется и наградит нас – мы сможем прилетать в ее Королевство, и есть малиновые ягоды, сколько захотим».

В прибрежных камышах прятались русалки. Они тихо спали на дне и вылезали только после полуночи и во время грозы. Много раз в сильный дождь я выбегала на крыльцо и слушала их. Они весело плескались у самого берега и громко

хохотали. Я знала, что они злые и могут утащить на дно, но мне почему-то очень хотелось спуститься к озеру и порезвиться вместе с ними. «Может быть, они и не посмеют обидеть дочь Королевы Зеленой страны?»: – думала я, но все же не могла решиться...

Брат нагло и бесцеремонно вторгся в мои владения. Он ни на секунду не поверил, что она была и была совсем близко, и ее избушка повернулась к нам задом и утопала далеко в лес, откуда ее было уже не разглядеть. Он потоптал кусты, оборвал и сожрал всю малину, он кидал яблочные огрызки прямо в саду, в мягкую траву, где жили маленькие гномы. Как будто им и без него мало забот! Они же должны сражаться со злыми муравьями и гусеницами, которые портят стволы яблонь. Все мои друзья куда-то попрятались – они не выносили брата, даже баба Яга сочла его нахальный смех над ней оскорблением.

Однажды Степка решил затеять с ним игру, и радостно кинулся брату под ноги, брат споткнулся и упал, а когда поднялся, со злостью ударил собаку. Теперь самый добрый на свете пес всякий раз злобно рычал на брата, но при его приближении самый храбрый на свете пес носу из будки не показывал.

Только Домовому не было до брата никакого дела. Он все так же хозяйничал на печке по ночам.

После долгой жары три дня шел ливень. В доме стало холодно, и бабушка растопила печь. Брат тут же полез туда и

улегся спать. Домовой подослал пауков, жуков и тараканов к нему под одеяло и, с позором изгнал из своих владений. Я полюбила спать днем – брат на печку больше не совался, боялся Хозяина. Он лежал внизу на кровати, и донимал меня своими дурацкими разговорами, про то, сколько он сжевал «жевачек», какие там были вкладыши, как он хорошо играет и выигрывает все вкладыши у своих друзей. Я поддакивала, проходило около получаса, он сам уставал от своей нудной бубнежки и замолкал. Я засыпала. Во сне я освобождалась от брата, и мое Лето снова возвращалось ко мне...

Я медленно и глубоко зевнула:

– Может, пойдём спать?

– Нет, давай купаться, – ответил брат, через секунду он уже был в озере и с диким радостным воплем молотил руками по воде, стараясь обрызгать меня с головы до ног.

– Ты дурак! – закричала я – Чтоб тебя русалки утащили! – Только они, наверняка, уже давно уплыли подальше отсюда, чтобы он ненароком не наступил на них своими огромными толстыми ножищами, – подумала я.

– Ааа! Ооо! Ууу! – заорал, завыл, заскулил брат. Он пулей вылетел из воды и запрыгал по песку на одной ноге. Из второй ступни капала кровь, а из пятки торчал кусок камышового стебля. Брат не умел плавать, он всегда просто ходил по дну ногами или руками. Пока он хныкал на берегу и вытаскивал камышовые занозы, я зашла в озеро и подплыла к камышам. Мелкая вода была прозрачной, я увидела, что

кто-то аккуратно срезал несколько стеблей. Я разворошила песок вокруг – почти под корень, острые косые срезы торчали как маленькие ножи.

Мы искали в озере красивые камни. Мне везло больше – камни попадались ровные, прозрачные, чистого цвета. Белые, розовые, серые. Однажды я глубоко разрыла песок и нашла большой черный камень, похожий на ключ. И маленький рыжий плоский камень, похожий на букву «Г» с тонкими и выпуклыми белыми узорами на поверхности.

– Он очень древний, – сказала я брату, – эти белые линии – остатки букв. У них не было бумаги. Древние люди делали каменные буквы, и на самих буквах тоже писали – белыми узорами.

Брат тут же побросал все свои камни обратно в воду. «Нельзя забирать их у озера», – сказал он, – Оно без них умрет!».

Я знала, что он сделал это, потому что среди его находок не было ни одной стоящей. Только грязные и неровные серые камни с прожилками песка. Но все же я почему-то тоже вернула озеру все найденное, кроме черного ключа и древней буквы. Я принесла свои сокровища домой и показала бабушке. Она очень удивилась, почистила их содой и положила на печь – сушиться. Чего я только не передумала за этот вечер.

– Может, это ключ от каменного сундука с сокровищами? А буква с белыми узорами – карта?

– Все может быть, – говорила бабушка, – Если посмотреть

сверху, то наше озеро как раз похоже на эту букву. А там, где на камне белый кружок – в озере остров. Вот завтра прополою картошку, попрошу у соседа лодку, и поплывем туда.

– Мы будем помогать тебе, да? – Я посмотрела на брата, он закивал головой. – Втроем мы быстрее прополоем. Надо плыть, пока светло! А то ничего не найдем.

– Ну, добро, до обеда управимся, и поплывем, – сказала бабушка.

Наутро камни пропали. Я облазила всю печь, пока брат не сказал мне: – Их унесли русалки! Я же говорил, нельзя забирать камни домой, – он опустил глаза.

– Отдай, – заревела я. Ты их украл! Бабушка! – вся в слезах я выбежала на крыльцо, – Бабушка!

– Нет, я не крал! – орал он мне вслед, – Я взял посмотреть, и забыл на улице, а ночью их кто-то забрал! Обыщи мои вещи, если хочешь!

– Не плачь, – сказала мне бабушка, рано или поздно они найдутся, или ты найдешь что-нибудь еще лучше. Однажды я нашла в песке две старинные монеты.

– А где же они, ба? – я перестала плакать – Покажи, пожалуйста!

– Я отнесла их на базар и мне дали столько денег, что хватило на золотое кольцо. Пойдем, покажу. Когда ты вырастешь, я тебе его подарю.

Через несколько дней брат заныл: – Здесь такая скукота, делать нечего – телевизора нет, видика нет, компьютера

нет. Чипсы и газировку не продают. Бабушка невкусно готовит. Вечером он стал проситься домой. Бабушка ходила на почту, звонила его родителям, но те сказали, что потратили так много сил и денег, чтобы отправить его в деревню, не для того, чтобы через неделю привезти обратно. Тогда он стал донимать меня: – Ты скажи ей, что тоже хочешь домой. Скажи, что заболела. Ты здесь уже два месяца, твой отец сразу приедет и заберет тебя, и я уеду вместе с вами.

Я не слушала его, я вспоминала срезанные камыши: «Ну, конечно – русалки уплыли, но устроили ловушку. Наверное, оставили в зарослях что-то, чего никто не должен видеть».

– Пожалуйста, попроси, – брат все не унимался. Ну что здесь делать?

– Я не хочу! «У меня дома нет компьютера и видика», – сказала я, чтобы он отвязался.

– Я попрошу родителей взять тебя к нам на несколько дней. Дам тебе поиграть, посмотришь новые фильмы. У меня такая игра есть! Там идешь, идешь, и кладбище начинается, и за тобой покойники в гробах гонятся. Я еще ни разу эту стадию не прошел. Интересно, что там дальше? Мама нам курицу пожарит с чесночной корочкой! Знаешь, как вкусно?! Купаться поедем на плотину, мороженое купим, сок. Ну, скажешь?

– Отстань! Твоя мама тебя-то забирать не хочет, а меня тем более не возьмет, – мне было досадно – теперь он проник и в мои мысли. Я больше не могла думать о русалках, о

бабе Яге, о Зеленой стране. Мне почему-то тоже захотелось мороженого, жареной курицы и покойников в гробах.

– Возьмет! Возьмет, вот увидишь! Я обещаю!

– Ладно. Завтра, – согласилась я. Мне нужно было собраться с силами, чтобы обмануть бабушку...

Я не хотела уезжать, но было уже поздно – приехал отец, сказал, побудем здесь еще три дня, он ходит на рыбалку и за грибами, потом поедем домой. Всего три дня. Мое Зеленое королевство лежало в руинах, но кто был в этом виноват? Брат, потому что разрушил его или я, потому что так легко сдалась и предала дружбу Лета? Я пришла попроситься. Я принесла с собой много мелких монет. Скоро каждая из них нашла себе место на песчаном дне. Я заплатила Озеру вдвое больше чем всегда – я очень хотела вернуться.

Моросил дождик, вода была теплой. Я уже зашла по колено и намочила край платья. «Почему все так? – думала я, – Почему мне так грустно, ведь я же сама хотела домой? Ведь это не последнее Лето. Я еще приеду сюда, и все изменится, я построю новое королевство, у меня появятся новые друзья, которых уже никто не испугает».

Головки камышей наклонились вниз, роняя свой бурый бархат в воду. Очень осторожно, чтобы не попасть в русалочью ловушку, я приблизилась к плотным высоким зарослям. Мне показалось, сквозь стебли что-то блестело. Значит, русалки спрятали там клад.

Потом я услышала чей-то голос: – Неужели она верну-

лась?

И второй, очень похожий на первый: – Уплывем скорее, нельзя чтобы она нас увидела.

Не знаю почему, но я забыла свой прежний страх, раздвинула кольцо высоких стеблей и шагнула внутрь. Никого. И ничего.

– Вернитесь, – закричала я, – Не бойтесь, я больше ничего ему не расскажу! Вернитесь, и я останусь с вами навсегда!

Минуты или часы пролетели в ожидании. Они не вернулись. Все что я могла – заплакать, и я заплакала, а потом зарыдала. Нутром я почувствовала то, что смогла понять только спустя много лет – Лето кончилось.

Через полгода бабушка умерла, а Степка навсегда убежал «за околицу». Но я все же вернулась в деревню еще раз – Озеро честно выполнило наш договор. В доме на холодной печке жалобно скулил Домовой.

– Бабушка заслонку не успела закрыть, вот и выстудило печь, ветер внутри гуляет и воет, – сказал отец и быстро отвернулся.

Дом решили продать, и мы с отцом приехали, чтобы забрать бабушкины вещи. На столе, там, где, как мне казалось, еще вчера мы с бабушкой рассматривали озерные камни, лежало маленькое золотое колечко с красным камнем.

Мед

Их было трое. Ночью они разожгли прощальный костер на скошенном поле за рекой. Люди и дома давно уже спали, а они сидели у огня и говорили.

– Мы так и не сходили в заброшенный дом, – сказала одна.

– И на кладбище, – засмеялась другая.

– Мы можем пойти сейчас, – сказал он.

– Но ведь сегодня полнолуние, – сказала первая, – Страшно.

– А мне не страшно, мне интересно, – снова засмеялась вторая, – Пойдем!

– Пойдемте лучше в заброшенный дом, там в саду такие яблоки и так много! Может, там и малина есть, нарвем. Тут совсем рядом, а до кладбища далеко, – она быстро взглянула на него. Он не слушал ее и не смотрел на нее.

– Мы пойдем на кладбище, – сказал он. – Ты с нами?

– Нет, – голос задрожал, она отвернулась, – Идите, мне спать хочется, я домой.

– Ну, пока! – сказала первая.

– До свидания, – сказал он, не поворачивая головы.

Она поднялась, отряхнула с колен солому, стараясь выглядеть веселой, пошутила: – Про костер не забудьте, а то стога сгорят, сами на кладбище окажитесь. Счастливо тебе доехать, – она снова посмотрела на него, – Приедешь на сле-

дующий год?

– Наверное, – он повернулся на секунду в ее сторону.

«Ничего, ничего, – думала она, пока поднималась по темной тропинке к дому, – Ничего, сейчас сразу усну, а завтра проснусь поздно – его уже здесь не будет. Ничего у него не выйдет. Она его просто дразнит. Завтра днем приду к ней и все расскажу. Она хитрая, но добрая. Следующим летом она не станет мешать. Может быть, она совсем не приедет».

Как же хорошо и просто все было раньше. Летом они приезжали сюда из своих городов, и целых три месяца были неразлучны. Носились на старых помятых велосипедах по ухабистым дорогам. Купались, по вечерам играли в карты с местными. Засиживались допоздна, болтали обо всем и ни о чем. Она совсем о нем не думала, пока он не стал думать о другой...

Каждое утро начиналось одинаково. Спросонья, она голодная, нагулявшаяся до ночи, сладко ежилась в постели, предвкушая вкусный завтрак. Жареную картошку с луком и холодное молоко с малиной и сахаром. У воздуха, разлитого вокруг был такой же нежный молочный привкус. Бабушка возилась с посудой на кухне. За окном кричал дед, разговаривая с соседом через улицу. Начинался день. Пора вставать.

Пока завтракала, смотрела в открытое окно. Лето, долгожданное и теплое лето. Запах полыни и ромашки. Голубое небо. На горизонте лес, большой и темный, но отсюда видны лишь его тонкие призрачные очертания – узкая полос-

ка светло-бирюзового цвета. Несмотря на раннее утро, жара уже в разгаре, только легкий летний ветерок налетает порой, принося с собой минуты блаженства. Время остановилось, дни слились воедино. Уже не слышно часов, а лишь скрипичные оркестры кузнечиков и цикад.

После завтрака она выходила на залитое солнцем крыльцо, потягивалась и смотрела в сад. Среди кустов смородины, малины и крыжовника – чудо чудное – подсолнух о двух головах.

В полдень одетая и умытая она стояла у зеркала и таращила глаза, чтобы те казались большими. Пришла соседка, принесла молоко, и дед, с гордостью посмотрев в ее сторону, сказал: «Наша внучка». «Хороша девка, – кивнула соседка, – Тьфу, как бы не сглазить, дак ведь и у меня внучка красавица. Приедет, посмотрите».

Вечереет. Солнце проникает в окно сквозь ветви деревьев. Вечерний покой. В застывшем воздухе слышатся голоса крестьян. Трудовой день подходит к концу. Скоро погонят коров по домам. Для местных это событие. Каждый, выходя за своей коровой, одевает на себя все самое, по его мнению, красивое и нарядное. Кто-то выезжает на велосипеде, кто-то на мотоцикле. Остальные пестрой толпой шествуют среди пыли, поднятой десятками копыт, несмолкаемого коровьего мычания и мотоциклетного треска. Зрелище красочное и уморительное одновременно.

Еще одно зрелище – местный базар. Чтобы успеть купить

хлеба, пряников и сахарного песка нужно встать в половине восьмого утра, быстренько одеться, и бодрым шагом отправиться к сельсовету, куда три раза в неделю приезжают автолавки.

По дороге им встретились местные, мать и дочка.

– Ба! Какие мы красивые, – поприветствовала их бабушка.

– А что же нам все драными ходить?! Мы не только с грязным пузом, мы еще и с мылом моемся!

Когда они прошли мимо, бабушка сказала: «О! Платье вечернее надела, а у самой пятки черные, да трещины такие, что клопы могут завестись».

Небольшой пятачок возле сельсовета уже набит народом. Все ждут хлеба. А она озирается вокруг, наслаждаясь зрелищем. Деревенские бабы накрасились и вырядились, одна ярче другой. И это в восемь утра, ради того, чтобы пятнадцать минут потолкаться на базаре. К ним подошла соседка в блестящей вязаной кофте и с грязным белым платком на голове:

– Зрасте вам, вон моя внучка, вон за песком стоит, – и показала пальцем на высокую девушку в коротких джинсовых шортах и голубой майке, стоящую к ним спиной. У нее были длинные загорелые ноги. Девушка обернулась.

– И впрямь красотка, сказала бабушка, – Глазищи-то какие огромные, синие, а грива какая шикарная. Цвет-то какой красивый, как мед. Свой?

С ней стало веселее, она все время подшучивала над ним, и они обе смеялись. Сначала он злился, но потом тоже стал

смеяться и шутить в ответ, правда, как-то очень осторожно. Она все время придумывала разные забавы. Ночью они привязывали картошку на длинную нитку и подвешивали на окно какой-нибудь выжившей из ума старухе. Сами прятались далеко в кустах и дергали за нитку. Картошка стучала в окно, а старуха думала, что к ней не иначе, как злой дух в гости пожаловал, и наутро это было известно по всей деревне.

Она всегда что-нибудь рассказывала и смеялась. Они ездили купаться на дальнюю речку, там, в зарослях ив прятались маленький песчаный пляж с пологим чистым спуском, и рядом росла мягкая трава, на которой они стелили старое одеяло и устраивали пикники. Дни пролетали незаметно. Из лета в лето...

Этим летом все изменилось.

– Ну что мы все на речку и обратно, – сказала она. – Давайте завтра на источники поедem. – Каждое лето собираемся только.

– Поехали, – тут же ответил он, – Я тоже давно хотел. Моя бабушка говорит, там вода святая. Никогда не портится, чистая и вкусная. Она мне даже легенду рассказывала. Там на горе был монастырь, в нем жили десять монахов, а однажды туда пришли разбойники, убили монахов, разграбили и сожгли монастырь. Но на том месте появились источники – десять ключей бьют из-под земли и сливаются в один ручей. Ручей стекает с горы, и есть поверье – если встать под воду и досчитать до десяти, все грехи с тебя смоет. Только кричать

нельзя, и говорить, иначе не поможет.

– Давайте потом поедем, – с надеждой сказала другая, – Я же колесо проколола сегодня, забыли что ли? Надо заклеить и надуть, а насоса нет, я завтра деда в город пошлю за насосом, а послезавтра поедем.

– Нее, – протянул он, – Надо ехать сейчас, пока жара стоит. Вода там ледяная. Скоро могут дожди зарядить. Давай, мы завтра вдвоем сгоняем, а я потом как-нибудь с тобой еще съезжу. «Или втроем еще поедем», – сказав это, он тут же отвел взгляд.

– А ты дедов велосипед возьми, – радостно предложила первая, и, лукаво улыбнувшись, посмотрела на него.

– Там тормоза не работают, – угрюмо ответила она. – Ну, ладно. Во сколько едем?

Ветер звенел в ушах и доставал короткие темные волосы, запрятанные в кепку, спасающую от жары. Вокруг поле, все покрытое цветами и запах от них такой, что голова кружится. Страшно. Руль слишком тяжелый. Запахи васильков, ромашек, иван-чая и еще каких-то знакомых, но безымянных цветов смешались, и получился один упоительный медовый аромат. Синее небо все покрыто белой барашковой рябью и где-то там, уходя в бесконечность, оно вбирает в себя золотисто-пестрое поле, и они становятся одним голубым горизонтом...

«Ну вот, почти приехали. Начинается темный лес».

У нее велосипед без тормозов, поэтому она едет медлен-

нее. А они несутся во весь опор. Ее длинные светлые волосы развеваются впереди, как флаг. Он едет рядом, и совсем не смотрит на дорогу. Впереди коряга, велосипед спотыкается, и он падает, она тоже останавливается, смеется, дает ему руку. Они снова в седле и скоро скрываются за поворотом. Они даже не оглядываются, совсем забыли про нее. Тропинка идет в гору, и ей очень тяжело крутить тугие педали.

Вот и полянка. Скорее, скорее! Наконец, она видит его: – А вот ты где! Чего не подождали то? – обиженно говорит она запыхавшимся голосом.

– Да вот, – тихо отвечает он, не поворачивая головы. Он зачарованно смотрит туда, где первая стаскивает с себя одежду и всем своим разгоряченным от быстрой езды телом подставляется под струю водопада. Ледяная вода обжигает и уже невозможно стоять, но она терпит, вертится под этим водопадом – смывает с себя грехи.

Наконец и ее очередь. Сейчас он увидит, какая она сильная и смелая. Она шагнула в ледяную воду и даже не дрогнула, только закрыла глаза. Досчитала до десяти и вышла, улыбаясь. Но где они? Только что стояли здесь. Она увидела, как они поднимаются на гору, он забегает вперед, останавливается и подает ей руку, но она все время старается опереться на его плечо.

– Окунулась? А мы лазили на гору, оттуда такой вид! – они засмеялись.

Очень сильный ветер в лицо, и она снова с трудом крутит

педали тяжелого дедушкиного велосипеда. Уже не до красот природы. Приехав домой, она в изнеможении падает на кровать. Путь проделан неблизкий и усталость на время прогоняет смутные тревожные мысли. Почудилось. Совпадение. Сейчас ей хорошо, в душе мир, медленно закрываются глаза, и она засыпает...

Она покинула светлый круг костра, но перед тем как идти домой, полчаса пряталась в стогу и чего-то ждала. Она ждала, но ничего не происходило, как будто они знали, что чьи-то глаза следят за ними из укрытия темноты.

«Она ему не нравится, не очень-то она и красивая – думала она, ворочаясь дома в кровати, – следующим летом я подрасту, отращу себе длинные волосы и стану очень красивой...» На этом она успокоилась и уснула.

Утром, выйдя из дома, она обрадовалась летнему дождику, который, казалось, принес с собой долгожданную прохладу, но он только слегка прибил пыль и кончился. Потом было пекло, и она, сидя на крыльце, изо всех сил выставляла свои белые ноги на солнце. Под вечер начался ливень.

– Хорошо, прохладно, – сказала бабушка.

«Да, хорошо, – подумала она, – Ливень, значит, разговор с ней откладывается на завтра».

Она возвращалась домой, в город. Впереди была пыльная неровная дорога, прыгающая по холмам и пригоркам. Огромный красный диск солнца медленно выходил из-за леса и насыщал деревья атласной зеленью. «Следующим летом

я обязательно ей все расскажу, – подумал она, посмотрела в окно, и песня, которую она где-то когда-то слышала, закрутилась в голове: «...Наши годы длинные, мы друзья старинные...».

Хочу, чтобы был дождь

– Входную дверь на два замка. Дверь в коридор – на щеколду. Я все закрыла. Никто не придет. Давай спать, – она зевнула, – Завтра мне рано вставать.

– Завтра ты опять уедешь? И тебя не будет целый день и целую ночь?

– Всего лишь день. Ночью ты будешь спать, а наутро я приду, и у нас будет целых три дня. Хочешь, пойдем в кино? Или в парк на карусели, купим мороженое. Все, спи! – она погасила ночник...

Немного поворочавшись, она затихла и захрапела. Аня лежала, боясь пошевелиться, боясь потревожить ее сон. Старая раскладушка скрипит чуть ли не от каждого вздоха, а сестра спит очень чутко. Странно, что она не слышит Этого. Вот опять. Шаги у входной двери. Но теперь еще и скрежет в замочной скважине. Ключ поворачивается, сейчас дверь откроется...

– Лена! Лена! Включи свет!

– Что!? Ну что еще? Чего ты орешь!? – сестра, как ошпаренная вскочила с дивана. – Ты издеваешься? Если я еще раз усну на работе, меня уволят. И где я потом найду такую работу? Слушай, там в коридоре никого нет. Пойдем, посмотрим. Видишь? Ну все. Спать. О, Боже! Скорей бы ты поступила в институт и съехала от меня в общежитие. Никакой

личной жизни, так еще и спать не даешь. Ну все, не хнычь. Пойдем, у меня хороший коньяк есть. С Нового Года стоит. Налью тебе чуть-чуть, выпьешь залпом и уснешь быстро.

Ночь догорала. Они сидели на кухне. Лена выпила полбутылки коньяка и теперь плакала: – Мне мама часто снится. Говорит: «Хочу, чтобы был дождь». И всегда дождь после этого. Вот! Ни разу не ошиблась, как синоптик, хотя какой синоптик, они-то врут всегда.

– Мама любила дождь. Она говорила, что в такую погоду очень уютно дома. Совсем не обидно, что нельзя выйти погулять... Лен, пожалуйста, не уезжай завтра. Мне так страшно здесь одной. В прошлый раз ваза на шкафу сама прыгала, я тарелку с горячим супом несла, ее как будто из рук у меня выбил кто-то, я вся обварилась, посмотри. И еще эти шаги. Я стояла в коридоре и почувствовала, как на меня кто-то смотрит через дверь. Помнишь, мама рассказывала про домовых и полтергейстов.

– Ань, тебе уже восемнадцать скоро. Какие домовые, какие полтергейсты? Я не могу больше отпрашиваться. Думаешь, мне нравится вставать ни свет, ни заря, ездить за тридевять земель, сидеть там безвылазно у экрана. Принял – отгрузил – отгрузил – принял. Да у меня знаешь, как глаза болят? Да я пока доберусь до работы уже вся разбитая, а мне еще целые сутки таращиться на эти цифры. А что делать? За квартиру надо платить, одеваться надо, кушать надо, теперь вот ты еще на моей шее, – она уже почти кричала, под-

нялась из-за стола, посмотрела на старый фонарь за окном. Ночь уходила, и его свет становился все тусклее. Лена успокоилась, – Ань, мне уже собираться надо. Поставь чайник. Сделай мне кофе в термос. Придется опять хлебать в дороге, чтоб не заснуть. Слушай, Ань, я тебя понимаю, – она достала сигареты и зажигалку из своей сумочки и закурила, – Тебе маму жалко. Мне тоже, но она уже не вернется. Ни призраком, ни полтергейстом. Она сама виновата.

– Почему?

– Не надо было столько пить. Тут бабка одна жила то ли на восьмом, то ли на шестом этаже. Тоже плохо кончила. Ань, ты не сиди весь день дома, сутки одна в четырех стенах, конечно, тут начнет мерещиться. Погуляй, в магазин сходи. Все, я в ванную. Сваргань что-нибудь перекусить по-быстрому.

Проводив сестру, Аня вымыла посуду, включила телевизор и легла на диван. Теперь можно поспать. Пока светло можно не бояться. Это начнется ближе к ночи. Но все равно, лучше, чтобы в доме были голоса, чтобы Это думало, что она не одна здесь.

«Что лучше остаться в квартире или всю ночь просидеть на лавочке у подъезда? Нет, только не здесь. Это страшно. Страшно то, что она не знает кто Это. Или что Это? И даже если на улице не будет ни души, и Это найдет ее там, можно попробовать убежать, позвать на помощь»: – она немного успокоилась, по телевизору начались новости, под монотон-

ный голос диктора Аня заснула. Громкая реклама разбудила ее. Она посмотрела в окно – солнце уже пряталось за вер-хушками деревьев, темнело. «План такой, – подумала Аня, – Сначала в магазин, если он еще открыт, потом ходить по дво-рам, пока не устану, потом лавочка. Скорей бы утро!»

Перед тем как выйти, она бросила взгляд на телефон.

– Лен, привет это я. Как дела?

– Нормально. Работаю. Спать хочу. У тебя как?

– Тоже нормально. Если будешь звонить, и я трубку не возьму, ты не волнуйся, я спать буду.

– Счастливая, – угрюмо сказала Лена, – Мне бы поспать. Ладно пока, мне некогда.

Лифт где-то застрял. Аня нервничала – уже почти темно. Скорее на улицу. «Пешком»: – решила она. Седьмой, шестой, пятый, четвертый, на третьем этаже она увидела тело. Тело лежало в лифте, и пыталось ползти в направлении квар-тирной двери, руки цеплялись за воздух, голова что-то бес-связно бормотала.

– Вам плохо? Давайте я помогу, – Аня кинулась туда, и волна резкого запаха ударила ей в нос. «Все равно, – поду-мала она, – Нельзя оставлять ее здесь в таком состоянии»: – тело принадлежало мертвецки пьяной пожилой женщине.

– Дочка, – обрадовалась пьяная старуха, – Спасибо! По-моги встать, а дальше я сама, вот моя квартира.

Старуха шаталась, и все время норовила снова опроки-нуться навзничь. Аня изо всех сил старалась удержать ее и

себя. Кое-как они добрались до двери.

– Дочка, поищи ключи в кармане. Вот. Открой. Вот, умица. Заходи.

В квартире никого не было. «Такая же однушка, как у сестры, – подумала Аня, – Дотащу уж бабуку до кровати и пойду». Она рассчитывала увидеть кучу грязной посуды и тряпья, вереницы пустых бутылок, мусор по углам, но зашла в комнату и обомлела – повсюду картины, написанные маслом – фантастически прекрасные, но незаконченные пейзажи, какие-то интересные фигурки причудливых форм, похожие на животных и людей, старая, но очень красивая мебель темно-красного цвета.

Старуха спала, тихо посапывая. В комнате было свежо – запах быстро уходил сквозь открытую форточку. Аня опустилась в потертое кресло у окна. «Посижу здесь. Она, скорее всего, не проснется до утра. А если проснется, скажу, что побоялась уйти и оставить дверь в квартиру незапертой. Точно! Здесь столько всего ценного, вот я и побоялась». Она еще раз осмотрелась, взгляд побегал по стенам, картинам, по странным предметам и статуэткам, и остановился на книжной полке. «Интересно, что у нее есть почитать?» – Аня осторожно подошла к полке, вечерний полусвет от окна сюда почти не попадал, и она вытянула книгу наугад. Также тихо ступая, чтобы не разбудить старый скрипучий пол, она вернулась и снова села в кресло, но тут же отложила книгу – было уже слишком темно. «Ничего, – подумала Аня, – Скоро

зажгут фонарь, он как раз смотрит в окно, его света должно хватить». Она поймала себя на том, что совсем не думает об Этом и не боится Этого. Конечно, она здесь не одна, рядом сопит старуха, но ведь в последнюю ночь сестра тоже спала рядом. Просто здесь почему-то не страшно, словно она знает, что Это никогда сюда не войдет. На улице заморгал фонарь, через несколько минут его тусклый свет наконец-то стал ровным, и она открыла книгу. Оттуда ей на колени посыпались старые черно-белые фотокарточки с краями, некогда обрезанными фигурными ножницами.

Аня не переставала удивляться. На пожелтевших снимках рядом с высокой черноволосой девушкой она находила маминых любимых актрис и актеров из старых фильмов, солидных лысых мужчин в очках и костюмах, и каких-то детей с пресыщенными и скучными лицами. И все это на фоне тех заморских пейзажей, что висели на стенах комнаты с дорогой мебелью. Тропический лес, море, чистый пляж с золотистым песком, древний замок в горах, великолепные дворцы в прекрасных цветущих садах. Красивые женщины в драгоценностях и роскошных платьях. Не в силах оторваться, она зачарованно переворачивала страницы, пока...

– О! Да ты знаешь, где я была? Где я только не была, – старуха дышала ей в затылок. Аня вздрогнула, захлопнула альбом: – Простите! Я думала, это книга, Вы уснули, а я не могла уйти, оставить дверь открытой: – быстро залепетала она. – Извините меня, я пойду, – она попыталась подняться

из кресла, но старуха мягко нажала ей на плечо.

– Ты только послушай. Они снова поют и танцуют в вер-
хушках деревьев, значит, будет дождь. Слышишь? – прошеп-
тала она и распахнула окно.

– Нет, извините меня, я ...

– Помолчи, – гневно оборвала ее старуха, – Послушай.

– Хорошо, – тихо сказала Аня, – «Проще сделать вид, что
все, так, как ей хочется, – подумала она. – С пьяными не спо-
рят, себе дороже»: – она знала это по опыту последних лет,
проведенных с мамой. И тут она услышала, тонкое жужжа-
ние, похожее на звон, как будто сотни крошечных скрипок и
колокольчиков играли одну мелодию.

– Что это? Комары?

– Ха, – старуха рассмеялась, – Комары! Еще скажи мухи!
Нет, это Они, ее друзья. Она так любила дождь. Она видела
Их, она говорила с Ними. За это ее все любили. Все хотели
знать, то, что знают Они. «Если ты можешь это услышать,
значит, ты сможешь это сказать»: тоненьким голоском запела
она в такт мелодии.

Аня снова попыталась подняться, но старуха еще крепче
сжала ее плечо, – Не надо, если ты встанешь и уйдешь, все
исчезнет.

– Но мне надо идти.

– Но здесь и сейчас так хорошо! Разве ты опять хочешь
услышать шаги за дверью?

Аня обомлела: – Откуда Вы знаете? Кто Вы?

Старуха словно не слышала ее, она пристально смотрела в окно и говорила сама с собой: – С некоторыми людьми нельзя соприкоснуться даже запахом. А она была моей сестрой. Ее звали Маргарита. У нее было столько браслетов, но она всегда их теряла. Включишь свет? – старуха повернулась к Ане.

– Что за чертовщина творится в этом доме? – подумала Аня, она наконец-то смогла покинуть кресло, прошла до двери в комнату, включила свет и буквально выпрыгнула в прихожую.

– До свидания...

– Рим-ма Васильевна, – нараспев подсказала старуха.

– До свидания, Римма Васильевна, – Входная дверь захлопнулась.

– Заходи, когда захочешь, – донеслось ей вслед. – Она захочет, правда, Рита, – старуха сидела, разложив альбом на коленях, и нежно гладила фотографию высокой черноволосой девушки.

Аня выскочила из квартиры, быстро пробежала три этажа вниз и присела на лавочку у подъезда, чтобы отдышаться.

Ее разбудила сестра: – Ань, ты чего здесь? Ты что всю ночь на улице торчала? Дура что ли? А если бы маньяк какой напал? Да какая-нибудь шпана могла утащить куда-нибудь, и сама знаешь, что.

– Лена, – сонное лицо расплылось в улыбке, – Ты уже приехала.

– Ладно, пойдем домой. Что с тобой делать, не знаю!

Они пили очень горячий и очень сладкий чай и ели бутерброды с колбасой сыром и маслом.

– Люблю такие дни. Только с работы, впереди два выходных, – Лена доела, сладко потянулась и продолжила, – Все, сейчас в ванную и спать до вечера. Вечером в кино. Да, Анют? – она подмигнула сестре.

– Лена, вчера еще одна плитка в ванной со стены упала и разбилась. Я, наверное, задела случайно. Прости.

– А, – сестра махнула рукой, – Наплюй, Ань. Здесь же кругом старье. Все никак не соберусь ремонт после деда сделать. Деньги вот копила, а тут вдруг мамка умерла... Им лет сорок этим плиткам, если не больше. Небось еще, когда бабка жива была, наляпали, – она рассмеялась. – Ань, – Лена старалась говорить так же весело и непринужденно, но голос ее становился все тише, а слова все медленнее, – Ань, я тут подумала, квартиру мама, наверное, тебе оставила. Мы ж с ней не в ладах были последнее время, ты знаешь, – ее карие глаза постепенно становились черными, а слова громкими и возбужденными: – Ты все равно теперь там одна жить не сможешь. Тебе и тут мерещится, а там и вовсе, после покойницы то! Давай продадим эту и мамину квартиру и купим двушку в Москве. И мне не так мотаться, и у тебя своя комната будет. Заживем с тобой! – Лена взяла паузу, чтобы отдышаться. – Ты подумай, я не тороплю, может, времени еще мало прошло. Но ее уже не вернешь, а так, как сейчас мне жить не вмоготу, да и тебе здесь плохо. Подумай.

– Ладно, как скажешь, тебе виднее, – тихо сказала Аня. – Я и правда не хочу туда возвращаться, – она мотнула головой, словно старалась отогнать воспоминания, подобно назойливой мухе.

– Ну и молодец, – Лена зевнула. – Иди ложись, я вымоюсь и приду...

Сестра уже начала тихо посапывать, а Аня, несмотря на бессонную ночь, почему-то не могла заснуть.

– Лена, – начала она шепотом, – Ты знаешь Римму Васильевну с третьего этажа?

– Ань, я сплю, – сквозь сон рассерженно пробормотала сестра.

Аня смотрела в окно и думала: «Хорошо бы новая квартира была похожа на старую мамину, хорошо бы из окна моей комнаты были видны деревья. Зимой они в снежных шапках, летом в густой листве, ветер пролетает над ней, и листва трепещет и шелестит, словно маленькие беспокойные волны зеленого моря. И чтобы в новом доме ей было так же хорошо и спокойно, как когда-то было в маминой квартире». Она вспомнила, как мама в детстве купала ее, она всегда наливала в ванную ароматную хвойную пену. Аня брала с собой кукол, делала пенные усы и бороду, и парик сначала себе, а потом и куклам. После мама вытирала ее мягким вафельным полотенцем, оно было теплым, даже горячим, потому что лежало на батарее, и от него пахло чистотой и свежестью. «Ну вот, великое дело сделали, тебя помыли»: – приговари-

вала мама, укутывая Аню в полотенце, она относила ее на диван. А потом они пили чай с вишневым вареньем, был вечер и за окном шел дождь, и они радовались тому, что они сейчас дома, им тепло и уютно, они чистые и довольные, им так легко дышится свежим воздухом дождя и им так хорошо вдвоем. «Хочу, чтобы был дождь»: подумала Аня. Она очень осторожно поднялась с раскладушки, тихо вышла в коридор, плотно закрыла дверь в комнату, чтобы не разбудить сестру.

«Хорошо бы в новой квартире ванна была побольше, – думала она, сидя с поджатыми коленями в маленькой облезлой ванне с отколотыми краями, – Чтобы можно было лечь, и с головой нырнуть в ароматную пену, как в детстве. Может у Лены тоже есть пена?» – она встала и потянула на себя дверцу старого шкафчика, висящего рядом с зеркалом. Дверца не поддавалась, Аня уперлась одной рукой в стену и еще раз со всей силы дернула дверцу на себя.

Она едва успела выскочить из ванной: сначала упал шкаф, чуть было не задев ее, потом со стен одна за другой посыпались старые потрескавшиеся плитки. Она стояла в оцепенении и не знала, за что ей хвататься. И тут затряслось, и затрещало зеркало, Аня взглянула туда и в ужас метнулась прочь из ванной. В коридоре валялся старый халат сестры, она поспешно завернулась в него и выбежала из квартиры. Седьмой, шестой, пятый, четвертый, на третьем этаже она забарабанила в дверь: – Римма Васильевна, откройте, вы должны нам помочь! Там что-то страшное происходит! Открой-

те! Прошу Вас! Быстрее, Лена там совсем одна!

В замке зашевелился ключ, дверь приоткрылась: – Тише, тише, не кричи, – зашептал тоненький старушечий голос. – Сейчас, я должна одеться. Подожди. Я спала, я, знаешь ли, люблю поспать днем, чтобы не спать ночью. Я – сова, ночь – мое время. Сейчас, сейчас. Наконец она впустила ее.

– Там Лена осталась, а там что-то такое... – начала было Аня, но старушка зашикала на нее: – Да знаю я, мне Рита все рассказала, ты не бойся, он ее не тронет, он ее очень любил и сейчас любит. Она так похожа на нее, просто копия. Он просто хочет, чтобы все было, как раньше, чтобы они были только вдвоем.

– Кто это он? – Аня была растеряна, хотя и знала, что старушка всегда ведет себя странно.

– Идем: – она взяла ее за руку, – Кое-кто хочет поговорить с тобой. Она снова сидела в кресле у окна и снова листала альбом с фотографиями. На этот раз другой. Уже третий по счету. В этой странной комнате не было книг, на книжной полке плотными рядами стояли только фотоальбомы, хранящие почти полную летопись жизни красивой черноволосой девушки. Старуха сидела рядом и комментировала каждый снимок: – Это Рита катается на лошади по долине семи озер вместе с графиней Новак, кажется. Это она в горном замке князя, забыла его фамилию. Чудесное место! Хотя и мрачноватое. Но очень таинственное, стены там буквально дышат прошлым. Я нарисовала там очень много этюдов, жаль, что

все они проданы, я бы показала тебе, и ты бы увидела, то, что видела я. Фотографии – это совсем не то: – старуха горестно вздохнула.

– А где же Вы? – спросила Аня. – Почему Вас нет ни на одном снимке?

– О! Я всегда была в тени, так хотела Рита. Как я смела перечить ей? Моя сестра могла разговаривать с Духами. Действительно могла. Никто ни разу не усомнился. Она была желанным гостем для многих, для нее с самого детства были открыты все двери. Ее ждали, за ее внимание боролись, она знала ответы на все вопросы. Только благодаря ей я смогла увидеть мир и нарисовать чудесные картины. В наше время не так-то просто было уехать из страны. О, Маргарита была великой! И ее сводило с ума то, что о ней знали немногие: ей хотелось быть кумиром, вершить судьбы людей, но сильные мира сего держали ее существование втайне. Они ни с кем не хотели делиться ее знаниями, и боялись поделиться с ней властью. Бедная Рита! И я тоже: я знала – мне никогда не стать известной художницей, слишком много было бы вопросов. Но у меня был талант! Я рисовала чудесные картины! – старуха раскраснелась от возбуждения, седые волосы растрепались, она вскочила с кровати, на которой сидела и, размахивая руками, носилась по комнате из одного угла в другой, указывая на настенные пейзажи:

– Посмотри! Ты видишь? Ночное побережье и море в лунном свете. Видишь? Луна, как живая, и кажется, что волны

набегают на берег. Все настоящее, все дышит! Смотри! Водопад низвергается с горы. Слышен даже рев бушующей воды. Слышишь? Цветы распускаются ранним утром в саду и источают дурманящий божественный аромат. Видишь? Слышишь? Разве это не чудо? Разве не Божья искра горела во мне и вела мою руку? Чистые пятна на холсте, как раны, я хочу вылечить их, но не могу даже прикоснуться к ним! – на этом ее порыв угас, старуха вся как-то поникла, доплелась, тяжело упала на кровать и заплакала: – Дорогое вино, роскошные украшения, платья, молодые дружки – чтобы заглушить досаду, ей нужно было все больше и больше, и она решила продать все мои картины. Мне остались только те, что были незакончены. Я утешалась тем, что обо мне узнают, мой талант оценят. Но она выдавала их за свои! «Иначе они никому не нужны», – сказала она. – Клиенты платят не за твою живопись, они думают, что я оставляю свою ауру на картинах, от того они получают такими живыми. Глупцы хотят привлечь Их на свою сторону, купив часть моей души. Пусть! Мы заработаем очень-очень много, Римма. Рисуй!». Но я не могла больше рисовать. Поставив свою подпись под моими полотнами Рита забрала мой талант. Как? Не знаю! Почему? Не знаю! Зачем?! Разве ей мало было своего Дара? И я стала не нужна ей! Она хотела уехать одна, без меня! Оставить меня здесь одну! – Римма Васильевна рыдала и бесновалась на своей кровати.

Аня застыла в кресле, она не знала, что сделать, что ска-

зять, чтобы прекратить эту истерику, не шевелилась, боясь, что старуха, как бешеная собака, кинется на нее. Та же продолжала: «Я была как коробка, из которой все вытащили и оставили крышку открытой. Мне хотелось выть от этой пустоты, ее нечем было заполнить, мои руки не слушались меня. Посмотри, – она окинула взглядом аморфные фигурки людей и животных, населявшие комнату. – Все эти уродцы вышли из-под моих пальцев, я надеялась унять свою боль, я пыталась творить, и вот они мои Твари, – она притихла и зашептала, – Маргарита иногда забавляется со мной: когда все они, вдруг, оживают, здесь становится так страшно! Я знаю, я нехорошо поступила, но я всего лишь хотела вернуть свое, и это так нечестно продолжать мучить меня. Рита! Рита! – старуха встала на колени, окончательно подмяв под себя скомканную постель, вперила неподвижный взгляд в пожелтевший потолок и закричала: – Прости меня! Отпусти меня!»: – на этом силы ее оставили, она рухнула на кровать и крепко уснула.

«Белая горячка, – подумала Аня, – И почему я решила, что эта сумасшедшая сможет помочь? Надо возвращаться».

– Подожди! – старушка заговорила, но глаза ее были закрыты, а голос ей не принадлежал. «Я – Маргарита: – она, словно, прочитала Анины мысли. – Я согласилась ответить на твои вопросы, потому что она помогает мне, поет и зовет дождь. Я очень люблю дождь, как и твоя мама... Спрашивай! У меня мало времени – Римма может проснуться».

– Мама? Ей там хорошо?

– Там спокойно.

– Она сердится на меня?

– Нет.

– Спасибо, – Аня вздохнула и представила себя со стороны: сидит и разговаривает со спящей старухой и верит всему и почему-то даже не считает все это странным.

Маргарита снова заговорила: «Он очень любил ее и не хотел делить даже с собственным ребенком. Ему дела не было ни до дочери, ни до внучек. Когда жена умерла, он стал почти беспомощным, но никого не хотел видеть рядом, кроме твоей сестры – уж очень она стала похожа на бабуку. С матерью она не ладила и хотела жить одна, вот и взялась ухаживать за дедом. А он уже настолько помешался, что не внучку в ней видел, а жену, квартиру тут же на нее переписал и недолго пожил после: Лена ему супы варила – вкусные, наваристые. Он все еще там, с ней, и другие ему не нужны. Твоей сестре нечего бояться, а тебе туда нельзя».

Аня вернулась в темную квартиру сестры и приоткрыла дверь в комнату: Лена все еще спала. «Теперь уже в ночь, до утра не проснется»: подумала Аня. Она переоделась, тихо собрала свои вещи, и выскользнула за дверь.

В маминой квартире ей легко дышалось, и было очень хорошо. Пошел дождь. Воспоминания и сумерки легли на стены. Впервые за долгое время она бесстрашно засыпала. Одна успокаивающая мысль вертелась в голове: «Мама не ви-

новата, она стала такой из-за того, что сделала Лена». Перед сном в голову залетел обрывок слов старухи: «С некоторыми людьми нельзя пересекаться даже запахом, а она была моей сестрой...».

Утром ее разбудил резкий и настойчивый звонок телефона. Она сняла трубку

– Ань, ты с ума сошла? Ты чего так сбегаешь? Я же волнуюсь! – Лена кричала.

Аня зевнула и ответила очень спокойно: – Лена, ты знаешь, Римма Васильевна с третьего этажа посоветовала мне поехать домой. Мне здесь, и правда, лучше. Я, пожалуй, останусь.

Сестра еще больше повысила голос: – Какая еще Римма Васильевна! Ты совсем с катушек съехала?! Я помню, ты про нее спрашивала. Так вот это та самая старуха алкоголичка, которую удар хватил прямо в лифте. Там она и сдохла, не смогла до квартиры доползти, и никто не удосужился помочь. Ань, мы же с тобой договорились! – Лена немного сбавила обороты. – Ну как ты будешь одна? На что жить-то будешь? Я же за тебя переживаю! – ответа не было, и она ненадолго замолчала: – Ну ладно, поживи пока там, до обмена.

– Не будет никакого обмена. Я останусь здесь, – тихо и твердо сказала Аня. Она повесила трубку и выдернула телефонный шнур.

Потерянная мелодия

Как всегда, он вышел из дому рано утром. Город еще спит. Пустота и ветер. Это его награда за то, что он встает затемно. Четыре тридцать, лето, сонное серое утро. На мокрых после ночного дождя улицах догорают прозрачные фиолетово-рыжие фонари. Во дворе никого – тишина. Редкие машины оставляют где-то там за домами на шоссе следы своих колес, и быстро-тающие в прохладном воздухе звуки мотора.

Он садится на лавочку под деревом и мечтает, что однажды время застынет, и Город навсегда останется тихим сумеречным местом, со свежим воздухом летнего дождя и теплым таинственным светом фиолетово-рыжих фонарей. Но пока что этого не случилось, у него есть только полчаса и он знает, как важно не упустить это короткое время тишины – его время.

Всего через полчаса машин станет больше, а потом еще больше, потом на небе появится солнце, фонари потухнут, и улицы утратят всю свою пустынную уютность, наполнятся шумом, суетой, раздражительными, спешащими людьми. Такое время пугает его, он ненавидит этот Город и прячется от него в своей квартире, закрывает окна плотными шторами, чтобы беспощадные всепроникающие лучи солнца не обесцветили его маленькое жилище. Яркий белый свет, как кровожадный завоеватель, превращает вещи и людей в сво-

их рабов, его свирепые воины – частицы и волны – не оставляют места фантазии, все становится определенным, четкими, плоским.

В его доме царят мягкие нежные полутона, тень и полутень делают все предметы богаче, таинственней, недосказанность очертаний наполняет все вокруг тайным глубоким смыслом. Здесь он надеется когда-нибудь отыскать в себе давно потерянную мелодию. Мелодию, которую пела ему мама, когда-то очень давно, когда он еще не был сам по себе, а был частью мамы. В своем маленьком темном укрытии он слушал, как мама поет ему, и он запомнил эту тихую легкую музыку, каждую фразу до последней ноты. Он тогда знал, что мама очень счастлива, что она ждет его, и был уверен, что она очень обрадуется, когда он однажды споет ей эту мелодию. Она поймет, что он тоже очень ждал их встречи.

Но случилось что-то страшное, все вокруг резко изменилось, его насильно вытащили из уютного укрытия, и отобрали у него тишину. Яркий белый свет резал его глаза и оставлял невидимые ожоги на коже, вокруг него стоял ужасный шум и крики, среди которых один был особенно сильным и страшным. Потом все это закончилось, но для него начался другой кошмар – мамы больше не было рядом с ним, она удалялась все дальше и дальше, пока он совсем не перестал чувствовать ее. Ему стало очень страшно, он ждал, когда же она вернется, но она так и не вернулась, до сих пор не вернулась. Что-то случилось...

Его мелодия тоже испугалась и спряталась глубоко-глубоко внутри. С тех пор она снится ему, звучит в его душе, теснится в груди, но не находит выхода. По утрам, когда люди в спешке покидают свои квартиры, и в доме ненадолго воцаряется хрупкая тишина, он садится за свое старенькое пианино. Ноты каскадом льются из-под его тонких длинных пальцев, звуки сами собой слагаются в красивые грустные мелодии. Их уже сотни, и они очень нравятся многим людям, люди платят ему деньги, чтобы послушать их. Все эти мелодии чем-то похожи на ту далекую, давно потерянную. Но все же это совсем не то – чего-то не хватает.

Он не сдастся, он ищет, он пытается избавиться свою мелодию от того первобытного страха: он избегает шумных улиц, он не выходит из дому днем, он не пускает в свой дом яркий свет, он зовет ее, он плачет и умоляет ее вернуться – она так нужна ему, но она не возвращается.

Как всегда, он вышел из дому рано утром, и еще до того, как увидеть, почувствовал, что сегодня он на улице не один. На его скамейке под деревом сидела взрослая девушка с лицом обиженного ребенка. Она плакала.

Он нахмурился: – Почему ты вышла из дому так рано?

– Я ушла из дому насовсем! Я сбежала, теперь я буду жить на улице!

– Почему?

– Они плохие, они выгнали на улицу моего кота. Я не нашла его, он потерялся.

– Найдется, у котов хорошая память, наверное, он просто обиделся и где-нибудь прячется. Иди домой, – он все еще надеялся, что ему удастся выкроить для себя хотя бы маленький кусочек утренней тишины. Иначе все пойдет не так, и он потеряет весь день.

Но она не хотела уходить, она хотела поговорить с ним, хотела, чтобы он ее пожалел.

– Я нашла его на улице, когда была маленькой, он тоже тогда был маленьким котенком, – грустно сказала она, – А сейчас он уже очень старый, ему двадцать лет, и у него плохая память, за это его и выгнали: он стал забывать, где надо делать свои дела. А у тебя есть кот или кошка?

– Нет.

– А собака?

– Нет.

– А были когда-нибудь? В детстве?

– Нет, я рос в детдоме, нам не разрешали приносить с собой в корпус животных, а потом мне повезло, и я начал заниматься музыкой.

– Понятно. А что, твои родители умерли?

Он ничего не ответил, и она замолчала, опустила голову вниз и ковыряла носком синей туфли влажную темно-серую землю. Потом вздохнула, протяжно и грустно и, разделяя слова по слогам, тихо произнесла: – Я так е-го лю-би-ла...

Он молчал, он пытался представить себе, что рядом с ним

никого нет, просто ветер играет на флейтах, а листва шелестит, и подпевает ему тихим шепотом. Он чувствовал, как что-то просыпается внутри и поднимается из глубины на поверхность. «Неужели это она? Наконец-то!»

– Хо-лод-но. Ско-ро о-сень, – она уже не обращалась к нему, просто нараспев, как заклинания, бросала в тишину свои короткие фразы.

Он побоялся, что своим разговором она может спугнуть мелодию, и он тихо, едва дыша, поднялся со скамейки. Ему хотелось бежать домой сломя голову, чтобы быстрее очутиться у своего старенького инструмента и излить то, что так долго зрело в нем. Он чувствовал зуд нетерпения в пальцах, они просто горели от желания прикоснуться к прохладным гладким клавишам, но он пошел очень медленно, ступая мягко и осторожно, так, словно нес в себе драгоценный сосуд из тончайшего фарфора. Он боялся спугнуть свою долгожданную гостью каким-нибудь резким неосторожным движением.

– По-до-жди, – девушка окликнула его, – Можно с тобой? Я бу-ду ти-хо.

Он понял, что, если откажется, она громко заплачет и побежит за ним. «Нет, только не сейчас! Нужна тишина». Он молча кивнул.

Он играл, она слушала, дышала через раз и боялась пошевелиться. Ему было все равно, он вообще не замечал ее присутствия. Его родная мелодия уносила его на другие пла-

неты и возвращала обратно на Землю. Он купался в теплых волнах лунного моря и ходил по океанскому дну среди древних развалин Атлантиды. Он лежал на мягкой траве под высокими деревьями и смотрел на величественное и хмурое предгрозовое небо. Он жил один в пустынном сумеречном городе дождя, гулял под светом фиолетово-рыжих фонарей по тихим темным улицам и аллеям и разговаривал с призраками...

Громкий стук в стену заставил девушку вздрогнуть: – Соседи? – спросила она, и тут же сама себе ответила: – Проснулась! – и обреченно вздохнула.

Его пальцы споткнулись, мелодия оборвалась так близко к завершению, оставив напряженное молчание и неопределенность. Он со стуком уронил крышку пианино на клавиши, больно ударив пальцы, и тихо заплакал.

– Теперь ты меня понимаешь, – грустно сказала она, – Мне тоже все время мешают, у меня нет даже своего угла, у меня был только мой кот, – она зарыдала. Со стороны она казалась уже взрослой девушкой, но плакала так, как могут плакать только маленькие дети – громко, горько, самозабвенно:

– Я так е-го лю-би-ла. И он меня, а больше я никому там не нужна, и мне никто не нужен, и я не хочу туда возвращаться, лучше бы я жила в детдоме...

– В детдоме совсем не лучше. А как же твои родители? Они будут переживать, если ты не вернешься. Иди домой,

все образуется, – ему так хотелось остаться одному, в тишине, чтобы снова и снова повторять свою неоконченную мелодию, пока пальцы не запомнят все до самой последней ноты, снова и снова открывать неведомые миры, и видеть прошлое настоящее и будущее сразу, искать и находить ответы на все свои вопросы, и на самый главный вопрос, мучивший его все эти годы: «Почему она бросила меня? Умерла или просто я вдруг стал ей не нужен?» ...

Ему нужно было закончить потерянную мелодию, недосказанность висела в воздухе и сводила его с ума. Но девушка не уходила: – Они мне не родные, – всхлипнула она, – Моя мама умерла. Они думали, что у них не будет детей и удочерили меня, а через несколько лет у них родился свой ребенок... Сыграй еще, пожалуйста, – попросила она. – Я бу-ду ти-хо.

Он играл, она слушала. Когда он снова запнулся, она сказала: «Я знаю, как закончить ее, я слышала где-то давным-давно». Она спела, и это было, то, нужное. И он вспомнил то время, и свое уютное укрытие, и чье-то дыхание рядом с ним.

Раздраженные соседи давно уже уехали на работу. В дороге и на работе они, чувствуя себя очень несчастными и обиженными на весь мир, ругались с такими же беспокойными раздражительными людьми, которые тоже чувствовали себя очень несчастными от постоянного недосыпания, от жуткого шума и толчеи в транспорте, от накопившейся усталости, от

постоянной неудовлетворенности своих желаний. Они хотели бы покупать машины, но они не зарабатывали на машины, зато они, в отличие от многих, могут купить себе сыра или колбасы к ужину. Тот, кто может купить себе машину, мечтает о собственной квартире. А те, у кого есть и квартиры, и машины, мечтают о загородных домах и о квартирах и машинах побольше и подороже. О чем мечтают те, у кого есть особняки, яхты и частные самолеты? Наверное, о вечной жизни и вечной молодости. Всем всегда чего-то не хватает, и все помыслы заняты этим поиском счастья, и жизнь проходит в мечтах о еде повкуснее, о вещах покрасивее, о машине подороже, о квартире побольше, о том, о сем. А как же иначе? Большинству людей приходится, переступая через себя, делать что-то или создавать видимость деятельности, чтобы иметь возможность потреблять что-то, созданное другими. Притормозить нельзя – обгонят! В постоянной спешке люди создают семьи и заводят детей. «Чтобы все было, как у людей!». Но все равно: «все не так». И их дети, и дети их детей будут делать то же самое: разменивать свое время на монеты, на игрушки, фальшивые чувства и пережеванные впечатления. А собственная мелодия давно забыта и потеряна.

2012-2018